

УДК 398.22(=512.122)  
DOI 10.25587/w4013-1717-6780-j

*Т. А. Конаратбай*

Международный казахско-турецкий университет им. Ходжа Ахмеда Ясави

## **ЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КАЗАХСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «АЛПАМЫС»**

*Аннотация.* Рассматривается этнический характер казахского героического эпоса. Несмотря на научные постулаты корифеев науки – С. Е. Малова, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, И. В. Пухова, Л. И. Емельянова, В. М. Гацака, С. Ю. Неклюдова и др., фольклористика советского периода не обращала достаточно внимания определению этнического характера героического эпоса. Ученые внедряли в научный обиход все новые методологические установки, тем не менее некоторые познавательные возможности эпоса оставались в тени. Эпос «Алпамыс» всесторонне изучался учеными советского и постсоветского периода. В работах таких известных литературоведов и фольклористов, как А. С. Орлов, Х. Т. Зарифов, Л. С. Соболев, М. О. Ауэзов, М. С. Сильченко, Н. С. Смирнова, А. Х. Маргулан, А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитова, Ф. И. Урманчиев, К. М. Максегов, И. Г. Закиров, Р. Г. Ягафаров и др., данное героическое сказание было изучено с различных научных позиций. Почти все они, за исключением фольклористов более позднего периода, отмечали, что генезис эпоса «Алпамыс» невозможно связать с единичным историческим событием. И тем не менее в исследованиях А. С. Орлова, В. М. Жирмунского, Х. Т. Зарифова была осуществлена попытка определения эпохи формирования эпоса. Новизна настоящей работы продиктована изучением казахской версии эпоса «Алпамыс» на основе этнических сведений путем генетического метода исследования. Методологические изыскания, разрабатываемые представителями русской советской фольклористики, служили образцом для фольклористов Казахстана. Однако в силу отсутствия этнонимов в русских былинах, о чем твердил еще В. Я. Пропп, советскими фольклористами не была изучена проблема этнической принадлежности различных племен, отраженных в героических сказаниях того или иного народа. Ведущими учеными советского времени не была разработана методология изучения эпического наследия во взаимосвязи с этнической историей. Этим и определяется актуальность настоящей работы.

«Алпамыс» – эпическое наследие многих тюркоязычных народов. Имеются казахские, узбекские, каракалпакские, татарские, башкирские, алтайские и др. версии. Однако настоящее исследование ограничивается изучением этнических сведений лишь в казахском героическом эпосе «Алпамыс». В процессе исследования научной обработке подвергались многочисленные топонимы (Байсин, Жидели Байсын), этнонимы (конарат, калмак) и антропонимы (Алпамыс, Баршын, Гоклан), которые формировались на территории всего центральноазиатского региона. Эпос «Алпамыс» изобилует ономастической номенклатурой, которая проливает свет на этническую историю среднеазиатских народов. На основе топонима Байсын, например, затрагиваются такие познавательные сферы, на которые долгое время не обращали внимания фольклористы различных времен. В процессе решения основных задач исследования использованы текстологические сравнения, типологические, историко-генетические методы исследования, которые позволяют определить полистадиальный характер героического эпоса. В статье предпринимается попытка разработки изучения героического эпоса во взаимосвязи с этнической историей тюркоязычных народов, что представляет собой новое направление для эпосоведения современного периода.

*Ключевые слова:* героический эпос; конярат; калмак; методология; ономастика; родословная; семантика; типология; эпическая традиция; этнический характер.

---

*КОНЫРАТБАЙ Тынысбек Ауелбекулы* – д. филол. н., проф. Международного казахско-турецкого университета им. Ходжа Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан.

E-mail: [tynysbek55@mail.ru](mailto:tynysbek55@mail.ru)

*KONGYRATBAY Tynysbek Auelbekuly* – Doctor of Philology, Prof. of the International Kazakho-Turkish university of Hodge Ahmed of Yasavi, Turkestan, Kazakhstan.

E-mail: [tynysbek55@mail.ru](mailto:tynysbek55@mail.ru)

*T. A. Kongyratbay*

## The ethnic nature of the Kazakh heroic epic *Alpamys*

**Abstract.** The article is devoted to the study of the ethnic character of the Kazakh heroic epic. Despite the academic postulates of the luminaries of science – S. E. Malov, V. M. Zhirmunsky, V. Ya. Propp, B. N. Putilov, I. V. Pukhov, L. I. Emelyanov, V. M. Gatsak, S. Yu. Neklyudov, etc., the folklore studies of the Soviet period did not determine the ethnic character of the heroic epic. The scholars introduced new methodological guidelines into academic use, but the cognitive possibilities of the epic remained in the shadows.

The *Alpamys* epic was comprehensively studied by scholars of the Soviet and post-Soviet periods. In the works of famous literary critics and folklorists, such as A. S. Orlov, Kh. T. Zarifov, L. S. Sobolev, M. O. Auezov, M. S. Silchenko, N. S. Smirnova, A. Kh. Margulan, A. S. Mirbadaleva, M. M. Sagitova, F. I. Urmancheev, K. M. Maksetov, I. G. Zakirov, R. G. Yagafarov, and etc., this heroic tale was studied from various academic positions. Almost all of them, with the exception of folklorists of a later period, noted that the genesis of the *Alpamys* epic cannot be connected with a single historical event. Nevertheless, in the studies of A. S. Orlov, V. M. Zhirmunsky, and Kh. T. Zarifov, an attempt was made to determine the epoch of the formation of the epic. The novelty of this work is dictated by the study of the Kazakh version of the *Alpamys* epic on the basis of the ethnic-genetic method of research.

In the mid 1950s, following the V. Ya. Propp's statement that "the epic goes not behind history, but ahead, and expresses the age-old ideals of the people", the previously withdrawn epic tales of various peoples were returned, the folklorists of the Union republics were guided by the advanced research of Soviet scholars from Moscow and Leningrad. Kazakh folklorists, for example, covered the problems of Kazakh folklore on the basis of the methodological guidelines of the leading Soviet scholars of that time. Thus, following the collection "Typological Studies on Folklore" (1975), a collective monograph "Typology of Kazakh Folklore" (1981) was published in Kazakhstan. After the publication of the collection "Folklore. Problems of Historicism" (1988), the M. O. Auezov Institute of Literature and Art of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR prepared a monograph "Historicism of Kazakh Folklore" (1993).

As we can see, the methodological research developed by representatives of the Russian Soviet folklore studies served as a model for the folklorists of Kazakhstan. However, due to the lack of ethnonyms in Russian epics, as V. Ya. Propp had already said, Soviet folklorists did not study the problem of the ethnicity of various tribes reflected in the heroic tales of a particular people. This also applies to the epic heritage of the Kazakh people, including *Alpamys*, since many phenomena recognized as the phenomenon of epic idealization are confirmed in real life. The historicity of the heroic epic is confirmed by many observations. Thus, the leading scholars of the Soviet era did not develop a methodology for studying the epic heritage in connection with ethnic history. This determines the relevance of this work.

*Alpamys* is an epic heritage of many Turkic-speaking peoples. There are Kazakh, Uzbek, Karakalpak, Tatar, Bashkir, Altai, etc. versions. However, this study is limited to the study of ethnic information in the Kazakh version of the *Alpamys* heroic epic.

In the course of the research, numerous toponyms (Baisin, Zhideli Baisyn), ethnonyms (konyrat, kalmak) and anthroponyms (Alpamys, Barshyn, Goklan), which were formed on the territory of the entire Central Asian region, were subjected to academic processing.

The *Alpamys* epic is replete with onomastic nomenclature, which sheds light on the ethnic history of the Central Asian peoples. On the basis of the toponym Baisyn, for instance, such cognitive areas are affected, which for a long time were not paid attention to by folklorists of various times. The article attempts to develop the study of the heroic epic in connection with the ethnic history of the Turkic-speaking peoples, which is a new direction for the epic studies of the modern period.

**Keywords:** heroic epic; konyrat; kalmak; methodology; onomastics; genealogy; semantics; typology; epic tradition; ethnic character.

### Введение

Общеизвестно, что фольклористика советского периода опиралась на передовые исследования ведущих ученых своего времени. С помощью методологических установок таких признанных ученых, как С. Н. Азбелев, В. П. Аникин, А. Н. Веселовский, В. М. Гацак, Л. И. Емельянов, В. М. Жирмунский, С. Ю. Неклюдов, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Ю. И. Юдин и др. фольклористика покоряла новые высоты научной мысли. В эпосоведении постсоветского периода по сей день доминирует тенденция, по которой образцы героического эпоса изучаются

с позиции методологических установок XX века – поэтики, типологии и историзма. Особую популярность в казахском эпосоведении получило направление, которое замыкается сюжетобразующим значением мотива.

Между тем, многие образцы казахского героического эпоса представляют собой племенной эпос. Так, «Алпамыс» – эпическое сказание племени конырат, «Кобыланды» – эпос кипчакского племени, «Ер Таргын» – эпос ногайлинского этноса, «Камбар» – сказание племени керей. Это свидетельствует о том, что каждое эпическое сказание формировалось в определенной этнической среде. К сожалению, изучением этих особенностей героического эпоса фольклористика вплотную еще не занималась.

Используя фольклор в качестве источника для понимания этнических процессов, можно определить степень отраженности родо-племенных отношений в том или ином сказании. Методологической основой данного направления послужили труды С. М. Абрамзона, В. В. Бартольда, Ю. В. Бромля, М. П. Грязнова, Т. Б. Долгих, Д. Е. Еремеева, Б. Х. Кармышева, В. И. Козлова, Р. С. Липца, А. Л. Налепина, Б. А. Рыбакова, Л. С. Толстой, П. Д. Ухова и др. Необходимо также упомянуть сборник научных статей «Этническая история и фольклор» (1977), выпущенный Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В предисловии этой книги Р. С. Липец и С. Я. Серов с большим сожалением писали, что «инициатива изучения фольклора в связи с этнической историей ... перешла в руки этнографов и археологов, сами же фольклористы мало занимаются этой проблематикой. Между тем именно в области чисто фольклористической методики подобных исследований предстоит еще очень многое сделать» [1, с. 6].

В качестве объекта настоящей статьи выбран классический образец казахского героического эпоса «Алпамыс», который не подвергался изучению с позиции этнической истории.

Новизна настоящей работы заключается в том, что впервые в казахской фольклористике осуществляется попытка изучения отдельных компонентов эпоса в качестве одного из этнических источников. Конечно, были и оппоненты подобной постановки вопроса. И тем не менее ученые утверждали необходимость привлечения исторических сведений для освещения этнической истории прошлого. Так, если А. Л. Налепин писал, что «преувеличение роли фольклора как исторического источника есть все же ошибка менее значительная, чем приуменьшение этой роли» [2, с. 50], то В. И. Абаев утверждал следующее: «Всякий древний эпос представляет своего рода шифр, ключ к которому давно утерян и должен быть найден заново» [3, с. 88].

К сожалению, обнаружить какие-либо исторические сведения в героическом эпосе весьма сложно. Многие события описываются вне времени и пространства. Исходя из этого приерженцы поэтического направления в фольклористике считали, что многие факты, включая имена исторических лиц, попадают в эпическое сказание благодаря его исполнителям. И тем не менее в казахской версии «Алпамыса» имеются следы этнического конфликта, которые нуждаются в пояснении. Так, исследуя этнические истоки племени конырат, можно проследить ареал географического распространения эпоса. Подвергая этимологическому анализу многие собственные имена, можно убедиться в том, что они созданы под влиянием эпической традиции. Изучая этнонимы, встречающиеся в героическом эпосе, несложно обнаружить, что многие из них являются отражением реального историко-этнического процесса. Забегая вперед можно даже сказать, что все главные герои эпоса создаются под влиянием этнического сознания.

Все эти явления требуют соответствующего изучения. В этом и заключается этнический характер эпоса «Алпамыс». В данном случае под «этническим характером» эпоса подразумевается вся совокупность отраженных в эпосе этнических сведений – этнонимы, топонимы и антропонимы, которые проливают свет на прошлое кочевых племен. Многие наименования ономастического порядка имеют непосредственное отношение к этнической принадлежности «Алпамыса». Путем анализа и определения сущности многочисленных этнонимов, топонимов и антропонимов можно приблизиться к разгадке генезиса героического эпоса.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что на основе казахской версии эпоса «Алпамыс» осуществляется попытка выявить родо-племенные отношения, лежащие в основе эпоса. Цель исследования – определение этнического характера эпоса «Алпамыс» как источника для познания этнической истории тюркоязычных племен. На основе некоторых

антропонимов и топонимов определяется этимология и семантика терминов «Алпамыс», «Байсын», «Баршын» и т. д. Основные задачи исследования составляют историко-генетические сопоставления на содержательном уровне, определение полистадиального характера или этапов формирования героического эпоса в различной этнической и географической среде.

Многочисленные ономастические наименования, при их тщательном анализе, несут в себе ту информацию, которая проливает свет на этническую историю среднеазиатских народов. На основе эпоса «Алпамыс» затрагиваются такие познавательные сферы, на которые был наложен запрет идеологией советского периода.

### Методы исследования

Казахский героический эпос «Алпамыс» подвергался научному изучению на протяжении всего XX в. Но научно-познавательные проблемы, требующие дальнейшей разработки этого памятника в связи с этнической историей племени коньрат, остаются нерешенными. На раннем этапе изучения многие фольклористы в лице А. А. Диваева, Г. Н. Потанина, И. А. Чеканинского, А. Н. Букейханова, Х. Досмухамедова, М. О. Ауэзова изложили свои наблюдения относительно художественно-поэтической природы сказания. В конце 40-х и начале 50-х гг. XX в. эпос «Алпамыс» был подвергнут догматической критике, затем оценен как наследие феодальной эпохи.

Начиная с середины 50-х гг. многие исследователи вплотную занимались изучением проблем народности эпоса «Алпамыс». В период проведения всесоюзной научно-практической конференции в Ташкенте (1956), посвященной эпосу «Алпамыш», к решению этой проблемы была привлечена целая плеяда видных эпосоведов – М. И. Афзалов, А. К. Боровков, М. И. Богданова, И. С. Брагинский, А. А. Валитова, М. Габдуллин, В. М. Жирмунский, К. Ж. Жумалиев, Х. Т. Зарифов, А. К. Коньратбаев, А. Х. Маргулан, А. С. Орлов, Л. М. Пеньковский, И. Т. Сагитов, Н. С. Смирнова, Т. О. Сыдыков и др. Несмотря на отдельные расхождения, ученые были едины в том, что «Алпамыс» – образец народного героического эпоса.

Надо сказать, что в то время фольклористы Казахстана писали свои труды в русле исторической школы. Лишь затем, после догматической критики, стали отходить от позиции исторической школы. Теперь уже перед ними стояла другая задача – вернуть из забвения ранее изъятые эпические сказания.

С той поры ведутся многочисленные научные изыскания относительно эпоса «Алпамыс», однако все они обходят молчанием проблему отражения этнической истории в героическом эпосе. И тем не менее были попытки освещения этой научной проблемы, разработанной в работах Л. С. Толстовой, И. С. Гурвича, Т. Б. Долгих и др., на страницах зарубежной печати [4]. Интерес наблюдался даже с их стороны. Однако, как утверждали фольклористы советской эпохи, героический эпос остается художественным наследием, передающимся из уст в уста, от поколения к поколению. По мнению отдельных казахстанских ученых героический эпос охватывает лишь те события, которые укоренились в памяти народа. Именно поэтому казахский ученый Р. Б. Бердибаев рассматривал эпос как особую форму сознания. Дело в том, что помимо поэтических особенностей, в эпосе доминируют общественно-социальное начало, историко-информативное содержание, многочисленные сведения этнического характера. Это касается образцов казахского эпоса, изобилующих сведениями этнического порядка – автоэтнонимами, аллоэтнонимами, этнотопонимами и топоэтнонимами. Только в эпосе «Кобыланды», к примеру, можно насчитать около десяти этнонимов: *кипчак*, *кызылбас*, *кок*, *гоклан*, *кызыл*, *коктим*, *аймак*. Их можно разделить на две группы. К первой можно отнести этноним *кипчак* и аллоэтноним *кызылбас*. Ко второй группе все остальные – *кок*, *аймак*, *кызыл*, *коктим*, *аймак*. В тексте эпического сказания они представлены в качестве топонима. Однако этнологический анализ этих терминов показал, что все они представляют собой наименования туркменских племен.

Что же касается эпоса «Алпамыс», то в тексте сказания часто встречаются следующие этнонимы: *коньрат*, *калмык*, *шекти*, *аргын* и др. Ученые еще не пояснили, почему в отдельных вариантах эпоса «Алпамыс» отсутствует термин «казах», зато доминирует этноним коньрат? Принцип историзма, которым пользовался В. Я. Пропп в 1950-е гг., оказался непригодным для освещения этнического характера казахского героического эпоса. Между тем многие фольклористы по сей день не могут ответить на такой животрепещущий вопрос: в чем заключается

главная ценность эпоса «Алпамыс»? В художественно-поэтическом содержании, типологических особенностях, историзме или же этническом характере?

Помимо художественно-поэтической системы в данном сказании очень много собственных имен, которые несут в себе этническую информацию. В процессе раскрытия познавательной сущности героического эпоса были использованы сравнительно-типологические и историко-типологические методы исследования. Однако доминирующую позицию занимает генетический метод, который вносит свои коррективы в историческое прошлое племени конырат. Конечно, для героического эпоса все эти направления ценны. Изучение эпоса «Алпамыс» во взаимосвязи с этнической историей кочевых племен представляет собой новое направление в эпосоведении. Поскольку в данном случае эпосоведение соприкасается с методологическими принципами этнологической науки.

Отдельные сведения связывают казахский «Алпамыс» с прародиной древних тюрков – Алтаем. Имеются башкирские и татарские версии данного сказания. Относительно татарской версии «Алпамыша» в свое время А. А. Валитова писала, что там «отсутствует географическая локализация событий, имеющих в среднеазиатских версиях» [5, с. 181]. Она имела в виду местности Кобырат, Байсын, Жидели Байсын, которые присутствуют в казахской версии сказания. Отдельные ученые пытались определить время появления представителей племени конырат на территории Средней Азии. Например, В. М. Жирмунский этот процесс связывал с монгольским нашествием [6, с. 46]. Если общность территории выступает как условие формирования героического эпоса, то принадлежность одного эпического сказания нескольким народам объясняется их генетическим родством. Эпические сказители могли блеснуть мастерством поэтического слова, но не более. Родословная тюрков запрещала сказителям вводить сведения этнического характера. Иначе говоря, они не могли изменять этническое происхождение того или иного героя эпоса. Отсюда племенной характер казахского эпоса.

Все эти проблемы требуют пристального изучения. Они должны быть изучены и введены в научный обиход в качестве дополнительного историко-этнического источника. В этом и заключается одна из главных проблем настоящей работы.

### **Результаты и обсуждения**

Казахский «Алпамыс» – эпос племени конырат. На Всесоюзной научной конференции, состоявшейся в Ташкенте в 1956 г., был признан племенной характер сказания. Наличие нескольких версий, бытующих на территории Средней Азии, говорят об общности этнической истории этих тюркоязычных племен. Так, В. М. Жирмунский писал, что «по своему происхождению “Алпамыш” во всех трех дошедших до нас поэтических редакциях – племенной эпос конгратцев» [7, с. 69]. То же самое отмечали каракалпакские ученые-эпосоведы К. А. Айымбетов [8, с. 17] и И. Т. Сагитов [9, с. 178–186].

Подобные мысли были озвучены из уст казахстанских фольклористов. В этой связи Н. С. Смирнова писала, что «древним представляется сюжет «Алпамыса». У всех трех соседей – казахов, каракалпаков и узбеков – события, описываемые в их версиях, связываются с племенем конырат» [10, с. 441]. Полистадиальный характер эпоса был подмечен известным фольклористом А. Коныратбаевым [11, с. 160–161].

Говоря об общности эпоса для казахов, узбеков и каракалпаков Р. Б. Бердибаев пишет: «Ученые оценивают “Алпамыс” как эпос племени конырат в силу наличия исторических фактов. Самое интересное заключается в том, что в своих легендах представители казахских, узбекских и каракалпакских коныратов приводили сведения вплоть до определенной генеалогической ветви» [12, с. 3].

Наряду с такими жанрами фольклора, как легенда и сказка, сведения этнического характера встречаются и в генеалогических преданиях казахов. Не случайно, что историк Ж. О. Артыкбаев в разряд ценных исторических источников относит генеалогические предания, образцы исторического эпоса, включая жанр толгау [13]. В генеалогическом предании казахов, опубликованном известным этнографом С. Е. Толыбековым, имеются сведения о коныратах Монголии – *Котениши* и *Коктинулы*. Там же отмечается, что Алпамыс является потомком Божена – третьего сына Котенши [14, с. 75].

В одно время многие фольклористы считали, что эпос и предание разные по своей природе жанры. Но это не значит, что их нельзя использовать при определении генезиса эпического сказания. Генеалогическое предание – это исторический источник, который может быть использован в качестве дополнительного материала. Таковые сведения могут быть привлечены в сравнительно-сопоставительном аспекте, поскольку у казахского народа издавна наблюдается склонность к сохранению генеалогии. По убеждению казахского этнографа А. С. Сейдимбека «генеалогия – не простая хронология или же оголенный список людей. Историческое значение казахской генеалогии заключается в стремлении анализировать кровно-родственные связи» [15, с. 39].

Сведения о племени конырат можно также встретить в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, где речь идет о тюркских племенах, ранее именовавшихся монголами. Однако там сведения о генезисе племени конырат изложены несколько сумбурно. Рашид ад-Дин ограничивается делением монголов как нирун и дарлекин, относя первого к чистым, второго к общим монголам. Племя же конырат автор выводит из монголов дарлекин, выходцев из общего племени монгол, которые лишь затем стали именоваться тюрками. «Монгольские племена были одной из групп общей массы тюркских племен, и облик и речь сходны между собою» [16, с. 153], – утверждает Рашид ад-Дин.

Этническая связь между тюрко-монгольскими племенами прослеживается и в генеалогическом предании Кадыргали Жалайыри. Описывая годы жизни Чингисхана, автор утверждает, что монголы использовали тюркский календарь [17, с. 50].

Все эти сведения говорят о том, что в эпоху Чингисхана племя конырат занимало одно из ведущих мест. Его мать и старшая жена Борте были выходцами из племени конырат. Четвертая дочь Борте – Томулан также вышла замуж за Гургена – царевича из племени конырат. По Рашид ад-Дину коныраты и кияты состояли в родстве, были сватами.

Конечно, не все генеалогические предания содержат историко-познавательные сведения в наиболее полном объеме. Если в «Родословной туркмен» Абулгази-хана хивинского имеются сведения о племени конырат [18, с. 40–41], то в родословной Шакарима Кудайбердиева они представлены более скудно. В некоторых генеалогических преданиях история племени конырат начинается с древнего Отрара [19].

Известно и то, что не все генеалогические предания могут быть использованы в качестве исторического источника. Однако по достоверным историческим и генеалогическим источникам несложно проследить приход племени конырат из территории Монголии в Среднюю Азию. Это произошло в начале XIII в. Тогда как Отрар существовал задолго до монгольского нашествия. Анализируя письменные источники арабских историков, В. В. Бартольд отмечает, что в работе ат-Табари указывается город Отрарбанд, расположенный рядом с городищем Отрар [20, с. 248–450]. Первые сведения об Отраре археолог К. М. Байпаков относит к XIII в.

По тем же источникам несложно определить, что жизнь в Отраре стала оживляться после XIII в., т. е. после нашествия монголов. Если так, то с какого периода Отрара мы должны начинать историю племени конырат? Многие исследователи обходили этот вопрос молчанием. Между тем необходимо обратить внимание на следующие строки родословной: «Когда в Отраре произошло разделение ногайлинского иля, потомки Наганая откочевали в Жидели Байсин, Мекке, Мадину, Кулаб и др. местности» [21, с. 61]. Судя по этим сведениям можно полагать, что событие произошло после нашествия Джучи-хана.

Кем были коныраты? В энциклопедических изданиях Казахстана отмечается, что коныраты имеют непосредственное отношение к племени кият. Однако из сборника летописей Рашид ад-Дина мы знаем, что кияты и коныраты были не родственными племенами, а сватами. Известный историк М. Тынышпаев считает, что коныраты вышли из местности Кок Монгол. Автор как бы находит соответствие между родом Коктинулы и монгольским Кок Монгол. Таким образом, происхождение коныратов автор выводит из монгольского племени: «Предки наших коныратов оказались в числе 4000 чистых монголов, переданных сыновьям Джучы. По-видимому, коныраты были в уделе Шейбана (Синяя Орда), и поселились в низовьях Сыр-Дарьи» [22, с. 18].

В своей работе «Родословное казахов» Ч. Ч. Валиханов пишет: «Коныраты – монголы ... Кияты состоят в родственных отношениях с прадедами Чингисхана, оны были организаторами

политических союзов» [23, с. 109]. В комментариях книги отмечается, что кияты, несмотря на монгольское происхождение, в XIII в. пришли на территорию Средней Азии и вошли в состав казахского, узбекского и каракалпакского народов.

В некоторых источниках читаем, что термин «монгол» использовался по отношению к степным (сахара), «уйгур» – к городским племенам [24, с. 222]. Первый указывает на кочевой уклад, второй на оседлый образ жизни. Эти сведения говорят о том, что термин «монгол» можно понимать не только в этническом значении, но и в социальной и географической плоскости.

Происхождение племени коньрат Н. А. Аристов также считает монгольским. По его подсчетам в числе огромной армии Чингисхана были 5000 коньратов. В составе 4000 войск, выделенных Джучи, также преобладали представители племени коньрат. В этой связи историк пишет: «Все это делает понятным образование в уделе джучиевом, в кипчакской орде, союза местных тюркских родов с именем коньрат, полученным, конечно, вследствие возникновения его под главенством джучидских коньратов» [25, с. 96–97].

Весьма ценные сведения можно встретить в наиболее ранних генеалогических образцах казахского народа. Так, в летописи Сайдаккожа Жусипулы, по занесенной в Бухаре записи 1875 г., коньраты, проживавшие на побережье реки Ульба в Монголии, отмечаются как тюркоязычные племена. По этим данным они переселились в Среднюю Азию не в 1219–1220 гг., как указывает М. Т. Тынышбаев, а несколько ранее, в 1066 г. Если первые ветви коньратского племени – Коктинулы, Кок танри вошли в состав среднего джужа казахского народа задолго до нашествия монголов, то коньраты местности Жидели Байсин вошли в состав казахского улуса в конце XIII в.

Эти сведения летописи совпадают с утверждением В. М. Жирмунского о том, что коньраты впервые появляются в Средней Азии в эпоху монгольского завоевания [6, с. 46]. Подобные сведения, дошедшие до нас в рамках генеалогических летописей, сложно встретить в других исторических источниках.

«Коньрат» – автоэтноним племени, которое оказалась в водовороте тюрко-монгольского этнического процесса и эпической традиции. Его происхождение казахский фольклорист А. Х. Маргулан выводит из огузского племени. Однако этот вопрос в исторической науке до конца не исследован. Обратившись к «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина мы обнаруживаем следующие сведения: в давние времена монгольские племена, населявшие северные горы, были истреблены другими кочевниками. Остались в живых только двое: женщина по имени Нукуз и мужчина по имени Киян. Они спрятались в горах, куда не ступала нога человека, и долго жили в местности Ергенекун. Со временем, когда произошло увеличение соплеменников, они вышли на равнину, расплавив железные горы. Первыми из горного ущелья, как гласит предание, вышли представители племени коньрат.

Относительно родословной Чингисхана Рашид ад-Дин пишет следующее: «Так как Добун-Баян, который был мужем Алан Гоа, происходил из рода Кияна, а Алан Гоа из племени куралас, то родословная Чингисхана, как было изложено (выше) восходит к ним» [16, с. 154]. Далее утверждается, что Чингизхан происходит из племени кият: «Несмотря на то, что Чингисхан, его предки и братья принадлежат ... к племени кият, однако прозванием Есугей бахадура, который был отцом Чингисхана, стало Кият-Бурджигин; они – и кияты, и бурджирины» [16, с. 155].

Эти сведения Рашид ад-Дина не противоречат данным генеалогических преданий, в которых богатыри племени коньрат все время находятся рядом с Чингисханом. Караке Емилъ возглавляет небольшое войско, Дай-Нойан выступает как крупный полководец. В целом войска из племени коньрат составляли левое крыло чингизидов.

По данным эпоса «Алпамыс» коньраты и кияты также состоят в родстве, хотя это отвергается Рашид ад-Дином. Видимо это надо понимать как позднейшее наслоение, введенное эпической традицией. Например, если в XVII в., во время правления Абулгазы Бахадур-хана, кияты находились в составе хивинских коньратов, то в XIX–XX вв. кияты разделились на две этнические группы. В состав племени коньрат, по утверждению Л. С. Толстой, входили *кияты, ашамайлы, колдаулы, костамгалы, кандекли, балгалы, қарамойын, мюйтен, ыргаклы, баймаклы* и др. [26, с. 65]. В данном случае кияты – это микроэтнос в составе коньратского племени.

По этническим и генеалогическим источникам можно проследить исторический путь племени коньрат, перекочевывавшее из горной вершины Бэйшаня в среднеазиатские степи. К по-

добным фактам необходимо отнести сведения, дошедшие до нас в рамках эпической традиции. В среднеазиатских вариантах «Алпамыса» довольно часто встречаются сведения об этносах кият, конырат и кипчак. Надо понимать, что это связано с эпической традицией определенного периода, о котором писал еще Рашид ад-Дин [16, с. 162].

По данным других источников кияты – выходцы из племени конырат. Выше мы говорили о взаимосвязи племени конырат с чингизидами. Н. Я. Бичурин же возводит происхождение этого племени к монголам и считает, что «кият родовое имя Чингисхановой фамилии».

Фольклористами среднеазиатского региона все еще не определена этимология термина «конырат». По мнению Х. Т. Зарифова, данный термин означает: *кон* (*кун*) – название племени, *гир* – быстрый, *ат* – конь [27, с. 8]. Этимологию указанного термина А. Семенов поясняет несколько иначе: *коныр* – коричневый, *ат* – множественное число [28, с. 44]. Казахский языковед А. Н. Нурмагамбетулы определяет семантику термина «конырат» как «ловкий, быстрый». Если Н. А. Аристов пишет, что «конгратский союз состоял из частей тюркских народов, а не монгольских» [25, с. 97], то каракалпакский ученый Ж. Х. Хошниязов считает, что по происхождению коныраты не монгольское, а тюркское племя. Все эти факты, отражающие взаимоотношение племени кият и конырат, должны быть изучены и сопоставлены с данными эпоса «Алпамыс».

Много суждений было сформулировано относительно исторической эпохи, отраженной в эпосе «Алпамыс». В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов связывали эпос с эпохой огузов: «Древнейший, не дошедший до нас вариант кунгратского «Алпамыша» («Праалпамыш») сложился где-нибудь в непосредственном соседстве с огузами, в закаспийских и приаральских степях, откуда кургратцы и принесли его при Шейбани на новые места своих населений на Байсуне» [7, с. 76].

В 60-е гг. в результате сравнительно-типологического исследования коныратской, огузской, кипчакской, алтайской версий эпоса «Алпамыс» В. М. Жирмунский приходит к заключению, что сюжет прошел путь от героической сказки до классического образца героического эпоса. Освещая вопрос более широко, он приводит сюжетные параллели с античным эпосом «Одиссея» [6, с. 314–335]. Однако казахский фольклорист А. Коныратбаев, отклоняя теорию «миграции», выдвигает обратную версию – «вопрос о древнейших связях между античной и среднеазиатской культурой, точнее – о восточных влияниях на греческую культуру» [11, с. 335].

Выше мы отметили, что к трем среднеазиатским версиям эпоса «Алпамыс» В. М. Жирмунский добавляет и алтайскую. При этом автор больше затрагивает проблемы географического распространения эпоса. При описании различных версий, как нам кажется, В. М. Жирмунский упускает из виду стадиальные особенности эпоса: древне-огузский вариант эпоса ставит после коныратской версий, а кипчакский вариант считает наиболее древним – доалтайским.

Опираясь на историко-этнические процессы тюркоязычных племен, мы склонны считать, что первичным является алтайский вариант, а все остальные – коныратский, кипчакский – более поздними.

Исследователями героического эпоса неоднократно была озвучена гипотеза об общности эпического сказания «Алпамыс» с «Алып Манас». Были различные мнения: одни отмечали сходства, другие утверждали обратное. Ниже мы приводим для наглядности сравнительную таблицу антропонимов (табл. 1):

Таблица 1

| «Алпамыс»  | «Алып Манас» |
|------------|--------------|
| Байбори    | Байбарак     |
| Аналык     | Ермен Шешен  |
| Алпамыс    | Алып Манас   |
| Карлыгаш   | Ерке Кос     |
| Гульбаршын | Күмүжек Ару  |
| Каражан    | Ерке Каракчи |
| Тайша хан  | Ак Кобен     |
| Тайшык хан | Кыргыз хан   |
|            | Ак хан       |

Как видим, при определении сходств антропонимов Байбори – Байбарак, Алпамыс – Алып Манас, встречающихся в алтайском и коныратском версиях эпоса, В. М. Жирмунский опирается не на этимологический анализ, а на созвучность терминов. Далее ограничивается лишь проблемами типологии. По этой причине отношение вышеприведенных антропонимов к эпосу «Алпамыс» осталось не раскрытым. К тому же при историко-типологическом освещении вопроса автор упускает из виду многочисленные сведения этнического и географического характера.

Если учесть богатую номенклатуру терминов ономастического порядка, то сюжет «Алып Манаса» окажется близким не к среднеазиатскому эпосу «Алпамыс», а к киргизской эпопее «Манас». На основе типологических сходств В. М. Жирмунский делает объемное по смыслу умозаключение: «С среднеазиатским сказанием об “Алпамыше” алтайский “Алып Манаш” совпадает в настолько существенных элементах, что нельзя не признать в нем другую (очевидно, более архаичную) версию того же сказания» [6, с. 145]. Несколько позднее, в своей очередной работе «Эпическое сказание об Алпамыше и “Одиссея” Гомера», автор вводит некоторые коррективы: «... имена действующих лиц и географические названия в алтайском “Алып Манаше” имеют не исторический, а сказочный характер» [29, с. 322].

Наше замечание касается и кипчакской версии эпоса. Термин «кипчакский вариант» В. М. Жирмунский использует по отношению к башкирским, татарским и казахским версиям. Башкирские и татарские «Алпамша мен Барсын-Хылуу», «Алпамша» («Алпамша мен Сандугаш») ученый считает ранними, докыратскими образцами эпоса «Алпамыс». Но это может быть и отголоском героического эпоса, дошедшего до соседних народов в рамках этнической истории и эпической традиции. Разница между башкиро-татарско-кыратскими сюжетами заметна по их жанровым признакам. Если татарские и башкирские варианты представляют собой сказку, среднеазиатские – героический эпос. В данном случае мы видим, что В. М. Жирмунский делит эпос между этносами кипчак и кырат.

Основные сходства обнаруживаются в антропонимах Алпамыс, Баршын, Кылтап (Култан), Карлыгаш (Сандугаш). Поэтому попытки В. М. Жирмунского отыскать типологические сходства между сюжетами эпоса и сказки не совсем убедительны. Если героический эпос формируется под воздействием этнического сознания, то сказка представляет собой плод фантазии. Мы не имеем в виду разницу между героическим эпосом и героической сказкой.

Фольклористика не отрицает, что отдельные мотивы героического эпоса формируются на основе различных, более мелких жанров фольклора. Однако в этом вопросе необходимо учитывать их отношение к историко-этническому процессу. Именно здесь обнаруживается основное отличие сказки от героического эпоса.

Подобная гипотеза подтверждается суждениями отдельных ученых татарского народа. Так, анализируя татаро-башкирские версии «Алпамыс» А. А. Валитова пишет: «В татарской прозаической сказке “Алпамша”, как и в башкирской “Алпамыша и Баршын-хылуу”, отсутствует географическая локализация событий, имеющаяся в среднеазиатских версиях (местность Кун-грат-Байсун или Джидели-Байсун ...); гора Алатау, озера Кок-камыш, берега Аму-Дарьи, где находились летние кочевья Алпамыша» [5, с. 181].

Суждения В. М. Жирмунского относительно огузской версии эпоса «Алпамыс» также не отошли на задний план. Многие ученые в лице Х. Т. Зарифова, А. Х. Маргулана, А. Коныратбаева отмечали сюжетные сходства между средневековым письменным памятником «Книга моего деда Коркута» («Бамси-Байрак») и «Алпамыс». Х. Г. Короглы попытался углубить эту проблему в историко-географическом направлении. Однако все сходства ограничивались сюжетной канвой, лишь частично касаясь содержания собственных имен. Географическая среда формирования огузского эпоса весьма широка: от побережья Сырдарьи и Амударьи до Кавказа, тогда как эпос племени кырат привязан к местности Байсин (Жидели Байсын).

Если посмотреть на проблему в диахронном разрезе, то эпоха огузов и племени кырат представляют собой два различных этапа этнической истории. Несмотря на отдельные сходства сюжета эти сказания формировались в разной этнической среде. Следовательно, сходства должны быть освещены не только в сравнительном аспекте, но и на этническом уровне.

Конечно, впоследствии относительно башкирской и татарской версий эпоса появились весьма интересные работы известного фольклориста Ф. И. Урманчеева [30; 31], Р. Г. Ягафарова [32]

и др., в которых изучены различные версии тюркского эпоса, затронуты проблемы генезиса. К сожалению, в рамках одной статьи охватить все эти версии не представляется возможным. К тому же изучение других версий сказания в задачу данного исследования не входит.

С учетом исторического характера многих наименований – Коккесене, Баршынкент, Баршындария, Огузская впадина, отмеченных в трудах Абулгази Бахадур-хана, И. А. Кастанье, В. А. Каллаура, П. И. Лерха, В. В. Бартольда, В. М. Жирмунского, А. Коньратбаева, Х. Г. Короглы и др., среднеазиатскую версию «Алпамыса» можно локализовать вокруг государства кочевых узбеков. В таком случае формирование героического эпоса может оказаться в регионе средневекового городища Сыганак. Народное предание и некоторые письменные источники утверждают, что памятник Коккесене, расположенный близ Сыганак, был воздвигнут в честь невесты Алпамыса – Гульбаршын. Преобладание в этой местности представителей племени коньрат, вошедших в состав казахской народности, также говорит о многом. В генеалогическом предании Абулгази Коккесене отмечается как надгробное сооружение Гульбаршину.

По историческим сведениям на рубеже XV–XVI вв. эта территория находилась в составе государства кочевых узбеков, возглавляемого Абулхаир-ханом. А. Ю. Якубовский отмечает, что в Сыганаке было очень много надгробных сооружений узбекских ханов. Ч. Ч. Валиханов также утверждал, что останки узбека Абулхаир-хана покоятся в Сыганаке. Автор письменного памятника «Шейбани-намэ» Мухамед Салык пишет, что во время завоевания Мухамед Шейбани ханом Туркестана в составе его войск было много представителей из племени коньрат [28, с. 19].

С учетом этих сведений можно заключить, что эпос «Алпамыс» формировался в XIII–XVI вв. в регионе средневекового городища Сыганак. В таком случае В. М. Жирмунский прав, когда утверждает, что «с кочевыми узбеками Шейбани-хана (начало XVI в.) оно было перенесено в южный Узбекистан (Байсунское бекство – кунгратская версия)» [20, с. 323]. И тем не менее географическая локализация топонима Жидели Байсын требует уточнения.

Общность одного эпического сказания у различных этнических групп говорит об их этнической идентичности. Это и является доказательством того, что эпическая традиция формируется на фоне этнических процессов. В свою очередь каждый эпический сказитель – жырау или жыры следит за достоверностью сведений, формировавшихся в рамках этнического сознания.

Несмотря на сходства антропонимов в среднеазиатских версиях эпоса, они также заметно различаются между собой (табл. 2):

Таблица 2

| Узбекская версия | Каракалпакская версия | Казахская версия |
|------------------|-----------------------|------------------|
| Байбори          | Байбори               | Байбори          |
| Байсары          | Байсары               | Сарыбай          |
| Баршын           | Баршын                | Гульбаршын       |
| Байшубар         | Байшубар              | Байшубар         |
| Байсын           | Байсын                | Жидели Байсын    |

Узбекская и каракалпакская версии весьма схожи. Если в них сватом Байбори выступает Байсары, то в казахской версии – Сарыбай. Байсары – из местности Байсын, Сарыбай – из племени шекти: первый откочевывает на территории калмыков, другой на западные казахские земли.

Однокорневые слова *Каракоз, Каражан, Караман, Карабай, Каратау* встречаются во всех среднеазиатских вариантах эпоса «Алпамыс». Эти термины в одном случае имеют этническое, в другом – географическое, в третьем – социально-семантическое значение и говорят о мировоззрении тюркоязычных племен. Семантику подобных наименований А. Н. Кононов определял как *сильный, могучий* (Караман, Каражан), *большой, уважаемый* (Каратау) и т. д.

Следующие антропонимы – *Кокаман, Кокалдаш, Коккашка, Байкашка, Тойкашка, Каражан*, встречающиеся в узбекской версии «Алпамыша», также надо понимать в русле предыдущих. Все они термины тюркского происхождения. Этническое происхождение антропонимов

Кокеман (Гоклан) и Караман (Каражан) очевидны. Если «ман» у тюркоязычных народов означает человек, род, племя, у туркмен имеются субэтносы кокчим (коки) и кара. Таким образом получается, что эти два антропонима (Кокеман, Караман), означающие «люди туркменского племени», впоследствии были преобразованы в антропонимы. Чтобы подчеркнуть близость, в эпосе они представлены как родственники: старушка Кокелан – мать Карамана (Каражана). Между тем Караман, как Куртка из эпоса «Кобыланды», хорошо разбирается в лошадях.

Алпамыса и Каражана связывают крепкие узы дружбы. Этот факт также является показателем этнической взаимосвязи конырато-туркменских племен. Несмотря на то, что в сказании Каражан выступает на стороне калмыков, у него натянутые отношения с калмыкским Тайшик-ханом.

Кейкуат – сын старушки Кокелан, чабан Тайшик-хана, который на протяжении семи лет вскармливал Алпамыса, находившегося в глубоком зиндане. Судя по этим данным, эпическая традиция также выводит Кейкуата из племени туркмен.

О влиянии туркменского стихосложения на поэтический размер эпоса «Алпамыс» впервые писали А. К. Коныратбаев и М. Г. Габдуллин. Таким образом мы видим, что сведения относительно туркменских племен нашли отражение в эпической традиции огузов, коныратов и кипчаков. Войдя в сюжетную канву эпического сказания о Коркуте («Книга моего деда Коркута»), «Кобыланды» и «Алпамыс» вышеуказанные этнонимы, на широком фоне эпической традиции, также были преобразованы в антропонимы. Эти сведения позволяют говорить о том, что все среднеазиатские версии сказания формировались в единой географической среде на фоне единого этнического процесса.

Имеются сведения, которые подтверждают подобную научную гипотезу. Так, Г. П. Снесарева приводит перечень тюркоязычных племен – *кипчаков, коныратов, киятов и канлы*, населявших теорритории Хорезма [33, с. 79–80]. В этой же географической среде обитали туркменские племена – *гокланы, йомуты, емрели, игдыры и сакары* [34, с. 38]. Если так, то мы должны будем согласиться с утверждением А. Коныратбаева, оценившего эти сюжеты в качестве великого наследия огузо-кипчакской этнической общности: «Эпос рождается не в борьбе между империями, а в результате межэтнического конфликта. Сюжеты «Книги моего деда Коркута», «Алпамыса» и «Кобыланды» формировались в такой среде. В них отражены войны периода распада огузского улуса в XI в., туркмено-печенежские, селджук-кипчакские межэтнические распри» [35, с. 144].

Судя по этим размышлениям можно заключить, что эпизод борьбы с калмыками в эпосе «Алпамыс» представляет собой более позднее наслоение. Здесь уместно вспомнить слова Х. Т. Зарифова о том, что «первоначально в “Алпамыше” калмыки вообще не фигурировали» [27, с. 7].

Под калмыками казахский эпос подразумевает ойратов, имеющих западно-монгольское происхождение. Исповедуя ламаизм, ойраты приняли будду в XIII в. [36, с. 34]. Что же касается термина «калмык», то это скорее аллоэтноним, созданный в рамках казахской эпической традиции. Калмыки же казахов именовали кыргызами [37, с. 325]. Они представляют собой термины аллоэтнонимного происхождения.

Несмотря на различие эпизодов о Тайши и Тайшик-хане они представляют собой титул и означают в одном случае верховного (Хунтайчи), в другом более низкого (Тайчи) правителя [38, с. 48]. Судя по мнению, что «Термез составлял юрт племени кунграт» [39, с. 42] узбекская версия «Алпамыса» имеет отношение к историческим событиям Самаркандского региона. Утверждение Х. Т. Зарифова о распространении «Алпамыса» на территории Дешт-и кипчака в домонгольский период нуждается в уточнении. На наш взгляд эпос охватывает события Дешт-и кипчака послемонгольского периода, т. е. исторические события до нашествия джунгар.

Одной из проблем эпосоведения является определение этимологии антропонима «Алпамыс». Довольно часто звучащие гипотезы относительно этого наименования – *Бамсы, Алып Бамыс, Алып Манас, Алпамыс* могут пролить свет на этапы становления и формирования термина. «Алып» означает отважный, батыр [40, с. 124]. К. Э. Босфорт считает, что слово «Алып» является характерным для туркменов [41, с. 167]. Подобные суждения вытекают из сопоставления образа Бамси-Бейрека с Алпамысом. Однако никто из ученых, выдвинувших подобную

версию, не пытался доказать преобразование антропонима Бамси в Алпамыс на историко-лингвистическом уровне.

А. Х. Маргулан, считавший «Алпамыс» одним из вариантов огузского эпоса, пишет: «По словам Абулгазы Мамаш (Бамыш, Бамыс, Бамсы, Алып Мамыш, Алпамыс) один из правителей огузов. Его жена красавица Баршын (Гульбаршын в эпосе «Алпамыс») – одна из известных семи девиц огузского происхождения» [42, с. 180]. Затрагивая проблемы генезиса эпоса А. Конаратбаев отмечает: «Алпамыс» является более древним сюжетом, общим для народов Средней Азии. Корни многих слов (Алпамыс, Манас, Алып Манас) весьма схожи и созвучны. Они должны быть исследованы более обстоятельно» [11, с. 173].

Конечно, созвучные термины и наименования можно встретить во многих средневековых письменных памятниках. Например, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дину встречается человек по имени Калмыш, который является выходцем из племени конырат [16, с. 162]. В одном случае он отец Коркута, в другом – дед Алпамыса [43, с. 78].

В «Родословной туркмен» Абулгазы слово «Алпамыс» связывается с именем Мамыш бека, выходца из племени конырат [43, с. 71]. Перед этим именем может быть использован характерный для тюрков эпитет Алып. Таким образом происходило преобразование термина Алып Бамыш в Алып Мамыш, который в конечном итоге привел к рождению антропонима Мамыш бек.

В исторических источниках мы встречаем человека по имени Мамаш. По данным книги Мирзы Мухамеда Хайдара «Тарих-и Рашиди», Мамаш – правитель казахского народа [44, с. 572]. К. К. Султанов считает его сыном Касым-хана [45, с. 116]. Однако приводить параллели между ними весьма сложно, они нуждаются в аргументации.

Первым исследователем связавшим термин «Алпамыс» с именем Алып Бамсы был Этторе Росси [6, с. 71]. Относительно этимологии этого термина Х. Т. Зарифов писал следующее: «Само имя Алпамыш состоит – алп + амыш. Алп – герой, богатырь, мамыш (памыш, манаш) – имя» [27, с. 11]. Однако подобные суждения, вытекающие из определения этимологии слова «Алпамыс», не всегда пригодны для объяснения его семантики. Поэтому мы хотим изложить свое видение проблемы.

«Алпамыс» – термин этнического происхождения. Мамаш – наименование туркменского племени. Огузские племена, откочевавшие на рубеже X–XI вв. из низовьев Сырдарьи на запад, вначале именовались туркманендами (тюркоподобный), лишь затем туркменами [43, с. 57, 98]. Опираясь на родословное Абулгазы и научные изыскания С. Агаджанова огузов можно признать в качестве племенного объединения, но не как народность (туркмен). В таком случае термин «Мамаш» будет восприниматься не как туркмен, а как наименование тюркского племени: в одном случае этноним, в другом – эпоним. Настоящая гипотеза подтверждается сведениями М. Кашгари, Рашид ад-Дина, Абулгазы, К. Жалайри, а также суждениями известного огузоведа Г. И. Карпова [46, с. 132].

Все эти факты говорят о необходимости пересмотра этимологии слова «Алпамыс», которая выводилась из традиционного понятия Бамыш и Алып Манаш. Указанные антропонимы должны быть изучены в определенной фонетической последовательности как термины, формировавшиеся под влиянием этнического процесса: *Мамаш – Мамыш – Алып Мамыш – Алпамыс – Алпамыш (узбекский вариант)*.

На основе всего сказанного можно полагать, что «Алпамыс» – антропоним этнического происхождения. Семантика слова Алып Манас – богатырь из тюркского племени. То же самое можно сказать о сыне Алпамыса: Ядыгер – этноним тюркского происхождения. И. Б. Молдобаев отмечает его в качестве общего для казахов и киргизов субэтноса [47, с. 18].

### Заключение

На протяжении ряда лет автором настоящих строк разрабатывается проблема отражения этнической истории в эпическом наследии казахского народа [48]. В настоящей статье в порядке постановки вопроса освещены сведения, имеющие непосредственное отношение к генезису казахского эпоса «Алпамыс». На фоне этнической истории осуществлена попытка обоснования географического распространения сказания среди племени конырат. Немаловажную роль в этом процессе сыграло наименование прародины племени конырат – Байсин. Вот что пишет Грумм-Гржимайло по этому поводу: «Эпоха Чингисхана имела огромное влияние на

дальнейшую судьбу Бэйшаня. Увлеченные этим великим полководцем в его стремлении покорить весь мир волны кочевников уже не вернулись обратно. Бэйшань опустел» [49, с. 27].

Изучая этногеографическое движение племени конырат, можно обнаружить трансформацию данного наименования в следующей последовательности: Бэйшань – Байсин – Байсын – Жидели Байсын. В одном случае ороним, в другом – этноним, в третьем – этнотопоним, в четвертом – ландшафтный топоним.

Тюрко-монгольские источники позволяют определить семантику этого слова как белые или северные горы, многолюдное поселение [50]. Указанный топоним, по данным эпоса, сохранил свое наименование и на новой родине племени конырат. На основе сравнительно-типологического изучения установлено, что среднее течение Сырдарьи, где поселились коныраты в после-монгольский период, по сей день именуется как местность Жидели Байсын. Эпитет «Жидели» связан с ландшафтом новой местности, где по сей день живут представители этого племени, среди которых по прежнему функционирует музыкально-эпическая традиция.

Изучение этнического характера казахского героического эпоса позволяет утверждать, что среднеазиатские варианты «Алпамыса», в отличие от алтайских, башкирских и татарских версий, весьма близки. Наличие этнонимов, во многом совпадающих с генеалогическими преданиями, говорит о том, что эпос формировался под воздействием единого этнического процесса. В основе многих топонимов и антропонимов, отраженных в эпосе, несложно обнаружить следы этнического сознания. Это касается и термина «Алпамыс», который представляет собой антропоним этнического происхождения.

В заключении можно сказать, что по своему происхождению казахский «Алпамыс» является образцом племенного эпоса, в котором нашли отражение межплеменные распри между этническими коныратами и калмыками. В этом и заключается этнический характер сказания.

### Литература

1. Этническая история и фольклор / отв. ред. Р. С. Липец. – Москва : Наука, 1977. – 260 с.
2. Налепин А. Л. Изучение проблем историзма в американской фольклористике (Краткий анализ) // Фольклор. Проблемы историзма / отв. ред. В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1988. – С. 42–71.
3. Абаев В. И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1945. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 58–64.
4. Kongyratbay T., Kongyratbay K. Hermeneutical aspects of Kazakh heroic epic study // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – № 18 (9). – Pp. 1330–1334. – DOI : 106 5829/idosi.mejsr. 2013.18.9.12373 (На англ. яз.)
5. Валитова А. А. Татарская версия эпического сказания «Алпамыш» // Тюрко-монгольское языковедение и фольклористика / авт.-сост. Г. Д. Санжеев, Р. А. Аганин. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1960. – С. 173–209.
6. Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 334 с.
7. Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. – Москва : ОГИЗ, 1947. – 570 с.
8. Айымбетов К. А. Каракалпакские народные сказители : автореф. дис. ... к. филол. н. – Ташкент, 1965. – 22 с.
9. Сагитов И. Т. Каракалпакские версии «Алпамыса» // Об эпосе «Алпамыш» : Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш» / отв. ред. В. И. Чичерин и Х. Т. Зарифов. – Ташкент : АН УзССР, 1959. – С. 178–186.
10. Смирнова Н. С., Сыдыков Т. О. О казахских версиях «Алпамыса» // Алпамыс батыр / отв. ред. М. С. Сильченко. – Алма-Ата : АН КазССР, 1961. – С. 429–487.
11. Коныратбаев А. К. История казахского фольклора. – Алматы : Ана тили, 1991. – 288 с. (На казахском яз.)
12. Бердибай Р. Б. Эпос мировой известности // Егемен Казахстан. – 1999. – № 136–137. – С. 3. (На казахском яз.)
13. Артыкбаев Ж. О. Источники казахской истории // История казахов. – 1997. – № 5. – С. 15–24. (На казахском яз.)

14. Толыбеков С. Летопись казахского народа. – Алматы : Казахстан, 1992. – 144 с. (На казахском яз.)
15. Тарақты Акселеу. Устная история. – Алматы : Билим, 1994. – 264 с. (На казахском яз.)
16. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – 221 с.
17. Кадыргали Жалайри. Сборник летописей. – Алматы : Казахстан, 1997. – 128 с. (На казахском яз.)
18. Абулгазы. Родословная тюрков. – Алматы : Ана тили, 1992. – 208 с. (На казахском яз.)
19. Генеалогия племени конырат и рассказы / сост. М. Еримбетов. – Алматы : Жалын, 1993. – 136 с. (На казахском яз.)
20. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1963. – 759 с.
21. Абдраманулы А. Народный мудрец Сары би и летопись племени конырат. – Алматы : Рауан-Демеу, 1992. – 92 с. (На казахском яз.)
22. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. – Ташкент : Вост. отд. кирг. гос. изд-ва, 1925. – 62 с.
23. Валиханов Ч. Ч. Избранные. 2-е изд. – Алматы : Жазушы, 1975. – 560 с.
24. Курбангали Халид. Тауарих хамса. – Алматы : Казахстан, 1992. – 304 б. (На казахском яз.)
25. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – 1896. – Т. 6. – Вып. III–IV. – С. 277–456.
26. Толстова Л. С. Исторические предания южного Приаралья. – Москва : Наука, 1984. – 246 с.
27. Зарифов Х. Т. Основные мотивы эпоса «Алпамыш» // Об эпосе «Алпамыш» : Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш» / отв. ред. В. И. Чичерин и Х. Т. Зарифов. – Ташкент : АН УзССР, 1959. – С. 6–25.
28. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с пер., примеч. и прилож., изд. И. Березиным. – Казань : Унив. тип., 1849. – 80 с.
29. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Ленинград : Наука, 1979. – С. 314–335.
30. Урманчеев Ф. И. Древнейшие истоки узбекского героического эпоса «Алпамыш» // Эпос «Алпамыш» и эпическое творчество народов мира : материалы Международной конференции. – Термиз : Фан, 1999. – С. 126.
31. Урманче Ф. И. Тюркский героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – Казань : ИЯЛИ, 2015. – 448 с.
32. Ягафаров Р. Г. Башкирский народный эпос «Алпамша и Барсынхлу» : генезис, специфика, поэтика : автореф. дис. ... к. филол. н. – Казань, 2007. – 27 с.
33. Снесарев Г. П. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX – начало XX вв.)» // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – Москва : Наука, 1975. – С. 75–94.
34. Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. – Москва : Наука, 1969. – 390 с.
35. Коныратбаев А. Казахский эпос и тюркология. – Алматы : Наука, 1987. – 387 с. (На казахском яз.)
36. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. – Алматы : Гылым, 1991. – 238 с.
37. Казахи. Историко-этнографические очерки / отв. ред. С. П. Толстов. – Ленинград : АН СССР, 1930. – 334 с.
38. Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекции, читанных студентам Казахского Высшего педагогического института в 1926–1927 учебном году. – Ташкент : Изд-во Каз. Выс. пед. института, 1928. – 35 с.
39. Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана. Т. 2. – Ташкент : АН УзССР, 1947. – 517 с.
40. Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – Москва : Наука, 1987. – 221 с.
41. Босфорт К. Э. Мусульманские династии. – Москва : Наука, 1971. – 324 с.
42. Маргулан А. Х. Древние сказания и легенды. – Алматы : Жазушы, 1985. – 368 с. (На казахском яз.)
43. Кононов А. Н. Родословная туркмен, сочинение Абул-гази хана хивинского. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – 190 с.
44. Мухамед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. – Алматы : Санат, 1999. – 656 с. (На казахском яз.)

45. Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII в. (Вопросы этнической и социальной истории). – Москва : Наука, 1982. – 133 с.
46. Карпов Г. И. Племенной и родовой состав туркмен. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. – Ташкент : Изд-во ТуркГУ, 1926. – 304 с.
47. Молдобаев И. Б. Эпос «Манас» как историко-этнографический источник // Советская тюркология. – 1989. – № 3. – С. 17–23.
48. Коныратбай Т. А. К методологии изучения этнического характера героического эпоса (историографические аспекты) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 1 (17). – С. 5–22. – DOI : 10.25587/SVFU.2020.17.58362
49. Грумм-Гржимайло Г. Е. Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии. – Санкт-Петербург : Киршбаум, 1898. – 127 с.
50. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. – Новосибирск : Наука, 1989. – 431 с.

### References

1. Ethnic history and folklore. Ed. R. S. Lipetsk. Moscow, Nauka Publ., 1977, 260 p. (In Russ.)
2. Nalepin A. L. Studying the problems of historicism in American folklore studies (A brief analysis). Problems of historicism. Ed. V. M. Gatsak. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 42–71. (In Russ.)
3. Abaev V. I. Nartovsky epic. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. 1945, vol. 10, iss. 1, pp. 58–64. (In Russ.)
4. Kongyratbay T. K. Kongyratbay Hermeneutical aspects of Kazakh heroic epic study. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013, no. 18 (9), pp. 1330–1334. DOI: 106 5829/idosi.mejsr. 2013.18.9.12373.
5. Valitova A. A. Tatar version of the epic tales of *Alpamysh*. In: *Turko-Mongol linguistics and folklore*. Comp. G. D. Sanzheev, R. A. Aganin. Moscow, Publ. House of the East. lit., 1960, pp. 173–209. (In Russ.)
6. Zhirmunsky V. M. The legend of Alpamysh and the Heroic Tale. Moscow, Publ. House of the East. lit., 1960, 334 p. (In Russ.)
7. Zhirmunsky V. M., Zarifov H. T. Uzbek national heroic epic. Moscow, OGIZ Publ., 1947, 570 p. (In Russ.)
8. Aiyembetov K. A. Karakalpak folk storytellers. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Tashkent, 1965, 22 p. (In Russ.)
9. Sagitov I. T. Karakalpak versions of “Alpamys”. In: *About the epic “Alpamysh”: Materials for the discussion of the epic “Alpamysh”*. Ed. V. I. Chicherin, H. T. Zarifov. Tashkent, AN UzSSR Publ., 1959, pp. 178–186. (In Russ.)
10. Smirnova N. S., Sydykov T. O. On the Kazakh versions of “Alpamys”. In: *Alpamys batyr*. Ed. M. S. Silchenko. Alma-Ata, AN KazSSR Publ., 1961, pp. 429–487. (In Russ.)
11. Konyratbayev A. History of Kazakh folklore. Almaty, Ana tili Publ., 1991, 288 p. (In Kazakh)
12. Berdibay R. B. Epic of world fame. *Egemen Kazakhstan*. 1999, no. 136–137. (In Kazakh)
13. Artykbayev Zh. O. Sources of Kazakh history. *History of the Kazakhs*. 1997, no. 5, pp. 15–24. (In Kazakh)
14. Tolybekov S. Chronicle of the Kazakh people. Almaty, Kazakhstan Publ., 1992, 144 p. (In Kazakh)
15. Tarakty Akseleu. Oral history. Almaty, Bilim Publ., 1994, 264 p. (In Kazakh)
16. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. 1, book 1. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1952, 221 p. (In Russ.)
17. Kadyrgali Zhalairi. Collection of chronicles. Almaty, Kazakhstan Publ., 1997, 128 p. (In Kazakh)
18. Abulgazy. Genealogy of the Turks. Almaty, Ana tili Publ., 1992, 208 p. (In Kazakh)
19. Genealogy of the Konyrat tribe and stories. Comp. M. Erimbetov. Almaty, Zhalyn Publ., 1993, 136 p. (In Kazakh)
20. Barthold V. V. Essays. Vol. 1. Turkestan in the era of the Mongol invasion. Moscow, Publ. House of the East. lit., 1963, 759 p. (In Russ.)
21. Abdramanuly A. The People’s Sage of Sary bi and the Chronicle of the Konyrat tribe. Almaty, Rauan-Demeu Publ., 1992, 92 p. (In Kazakh)
22. Tynyshpaev M. Materials for the history of the Kyrgyz-Kazakh people. Tashkent, East department of Kirg. State Publ. House, 1925, 62 p. (In Russ.)
23. Valikhanov Ch. Ch. The chosen ones. 2<sup>nd</sup> ed. Almaty, Zhazushy Publ., 1975, 560 p. (In Russ.)

24. Kurbangali Khalid. Tauarih hamsa. Almaty, Kazakhstan Publ., 1992, 304 p. (In Kazakh)
25. Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and information about their numbers. *Zhivaya starina*. 1896, vol. 6, iss. III-IV, pp. 277–456. (In Russ.)
26. Tolstova L. S. Historical legends of the southern Aral Sea region. Moscow, Nauka Publ., 1984, 246 p. (In Russ.)
27. Zarifov Kh. T. The main motifs of the epic “Alpamysh”. In: About the epic “Alpamysh”: Materials for the discussion of the epic “Alpamysh”. Ed. V. I. Chicherin, Kh. T. Zarifov. Tashkent, AN UzSSR Publ., 1959, pp. 6–25. (In Russ.)
28. Shebaniada. The History of the Mongol-Turks in the Jagatai dialect with transl., note and appl., ed. by I. Berezin. Kazan, University typography, 1849, 80 p. (In Russ.)
29. Zhirmunsky V. M. Comparative literature studies. East and West. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 314–335. (In Russ.)
30. Urmancheev F. I. Ancient origins of the Uzbek heroic epic “Alpamysh”. In: The epic “Alpamysh” and the epic creativity of the peoples of the world: materials of the International Conference. Termiz, Fan Publ., 1999, 126 p. (In Russ.)
31. Urmanche F. I. The Turkic heroic epic. Comparative-historical essays. Kazan, IYALI Publ., 2015, 448 p. (In Russ.)
32. Yagafarov R. G. Bashkir folk epic “Alpamsha and Barsynkhlu”: genesis, specificity, poetics. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Kazan, 2007, 27 p. (In Russ.)
33. Snesarev G. P. Explanatory note to the “Map of the settlement of Uzbeks in the territory of the Khorezm region (late XIX – early XX centuries)”. In: Economic and cultural traditions of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 75–94. (In Russ.)
34. Vasilyeva G. P. Transformation of everyday life and ethnic processes in Northern Turkmenistan. Moscow, Nauka Publ., 1969, 390 p. (In Russ.)
35. Konyratbayev A. Kazakh epic and Turkology. Almaty, Nauka Publ., 1987, 387 p. (In Russ.)
36. Moiseev V. A. Dzungarian Khanate and Kazakhs of the XVII–XVIII centuries. Almaty, Gylm Publ., 1991, 238 p. (In Russ.)
37. Kazakhs. Historical and ethnographic essays. Ed. S. P. Tolstov. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1930, 334 p. (In Russ.)
38. Barthold V. V. History of the Turkish-Mongolian peoples. Summary of lectures given to students of the Kazakh Higher Pedagogical Institute in the 1926–1927 academic year. Tashkent, Publ. House of Kaz. High. ped. institute, 1928, 35 p. (In Russ.)
39. Trever K. V., Yakubovsky A. Yu., Voronets M. E. History of the peoples of Uzbekistan. Vol. 2. Tashkent, AN UzSSR Publ., 1947, 517 p. (In Russ.)
40. Gafurov A. Name and history. About the names of the Arabs, Persians, Tajiks and Turks. Dictionary. Moscow, Nauka Publ., 1987, 221 p. (In Russ.)
41. Bosworth K. E. Muslim dynasties. Moscow, Nauka Publ., 1971, 324 p. (In Russ.)
42. Margulan A. H. Ancient legends and legends. Almaty, Zhazushy Publ., 1985, 368 p. (In Kazakh)
43. Kononov A. N. Genealogy of Turkmens, the work of Abul-gazi Khan of Khiva. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1958, 190 p. (In Russ.)
44. Mohammed Haidar Dulati. Tarikh-i Rashidi. Almaty, Sanat Publ., 1999, 656 p. (In Kazakh)
45. Sultanov T. I. Nomadic tribes of the Aral Sea region in the XV–XVIII century. (Questions of ethnic and social history). Moscow, Nauka Publ., 1982, 133 p. (In Russ.)
46. Karpov G. I. Tribal and tribal composition of Turkmens. The territory and population of Bukhara and Khorezm. Part 1. Tashkent, TurkSU Publ. House, 1926, 304 p. (In Russ.)
47. Moldobaev I. B. The epic “Manas” as a historical and ethnographic source. *Soviet Turkology*. 1989, no. 3, pp. 17–23. (In Russ.)
48. Kongyrtbay T. A. On the methodology of studying the ethnic character of the heroic epic (historiographical aspects). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 1 (17), pp. 5–22. DOI: 10.25587 / SVFU. 2020. 17. 58362. (In Russ.)
49. Grumm-Grzhimailo G. E. The historical past of Beishan in connection with the history of Central Asia. Saint Petersburg, Kirshbaum Publ., 1898, 127 p. (In Russ.)
50. Malyavkin A. G. Tang chronicles about the states of Central Asia. Texts and studies. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 431 p. (In Russ.)